

Каарел Таранд

Президент Тоомас Хендрик Ильвес рассуждает о возможностях выживания классических текстов и высокой культуры в изобилующем шумами информационном обществе.

Сегодня в общеобразовательных школах уже нет никого, кто был школьником 12 лет назад, когда начинался «прыжок тигра» в информационное общество. Эти люди стали активными взрослыми членами общества, заметно влияющими на то, как складывается наша повседневная жизнь. По части инфраструктуры инфокоммуникационных технологий (ИКТ) Эстония прочно утвердилась на средних позициях в Европе, мы имеем представление об уровне наших технических навыков. Насколько, однако, было возможно предусмотреть социальные последствия наступления информационного общества? В особенности те негативные, о которых мы сейчас говорим каждый день, начиная с анонимной ненависти и заканчивая проповедующими насилие играми.

Спрогнозировать было невозможно. Единственное, что мы знали, – что компьютеры дают преимущество в конкуренции с другими странами и тамошними детьми. Нам нельзя было отставать. Куда мы придем, каким сложится прогресс – это была проблема не только Эстонии, но и общая проблема всех западных стран. Компьютеры, действительно, – сопутствующее явление развитого общества.

Если приводить негативные примеры, то даже лучшие мировые аналитики, работающие на правительство США и обязанные прогнозировать все возможности, не сумели предвидеть, как и насколько эффективно сможет использовать возможности ИКТ общество, пропагандирующее возврат в VII век, тогдашнее законодательство и теократическое государственное устройство.

Возможности новой масс-медиа вторгаться в частную сферу жизни каждого человека не поддаются контролю. Но, учитывая возможные особенности нашего общества, надо ли вообще ломать голову над тем, что кто-то попытается идеологически повлиять на наших граждан, или же скорее есть основания полагать, что здоровое крестьянское мышление сохранится и в сетевом мире?

Многообразии информации для демократического, а еще более – для переходного общества, пожалуй, лучше, чем контролируемые информационные потоки. Представим себе, что в 1992 году события повернулись бы по-другому, что по нашим каналам передавалась бы в основном государственная информация (соблазн повлиять на СМИ все-таки существовал, например, в отношении вещания), а частных каналов, предлагающих другую информацию, вообще или почти не было бы. В этом случае у нас было бы гораздо больше проблем, чем сейчас.

Если я читаю новость в сетевой газете и сомневаюсь в ее подлинности, я могу быстро проверить ее. Этим занимаются и журналисты, и поэтому новость, оказавшаяся фальшивкой, часто и не попадает в бумажный выпуск газеты. Конкуренция в области информации, возможность всегда проверить по другим источникам в любом случае оздоравливает открытое общество.

Со времен Просвещения к понятиям нашей цивилизации не относится возможность какого-либо ограничения или выборочного предложения информации людям. В других регионах по-иному. В нашей цивилизации ни церковь, ни государство не диктуют гражданину, что есть справедливо, что есть истина. Вместо этого ему дают возможность решать самому. Это большое преимущество Запада перед другими обществами на протяжении уже 250 лет.

В Эстонии государство, публичная власть со всеми учреждениями и

самоуправлениями, вероятно, является крупнейшим поставщиком информации в сети. Иной раз, возможно, она излагается трудным для понимания языком, но всё же это самый достоверный из предлагаемых текстов.

Этого требует и закон. Мы создали такое открытое общество, в котором государственные учреждения вынуждены постоянно держать свою деятельность на виду. Это большое преимущество по сравнению с ситуацией, где государственная власть может вести работу тайно.

Небольшой пример. Наиболее полный и точный обзор моего весеннего визита в Грузию вышел из-под пера Владимира Сокопа, который не был со мной в Грузии. Он написал этот обзор, пользуясь сайтами президентов Эстонии и Грузии. Сопровождавшие меня эстонские журналисты писали о чем-то другом, утыкались в детали, описывали марки вин и так далее, но вовсе не то, что было существенным в ходе визита. Например, в ноябре сайт президента Эстонской Республики посетило 30 000 человек, а информация с него скачивалась 400 000 раз.

Парадокс как раз в том, что хотя государственная власть выкладывает, пожалуй, самую проверенную, самую достоверную информацию, это, в общем-то, не подняло кредит доверия к власти и ее учреждениям. Он находится примерно на том же уровне, что и доверие к СМИ, хотя качество, верность и точность информации отличаются от частных каналов, как день и ночь.

Я не стал бы обвинять публичную власть в сложившейся ситуации. Очень легко бичевать, дескать, «они там» да «они здесь». Отношение СМИ к публичной власти формирует вера в то, что бичевание увеличивает популярность. Это верно и применительно к отношению иного политика к честным государственным служащим — якобы они все время в чем-то виноваты.

А может быть, тогда стоит предпринять одно охватывающее все общество усилие в духе просвещения, чтобы вся энциклопедическая информация была публично доступна всем? У нас десятилетиями создавалась действующая и ныне структура, собирающая и редактирующая энциклопедическую информацию, но результата этой работы в сети нет. Такого, чтобы был бы достоверным, проверенным первичным источником информации.

На самом деле, Wikipedia на эстонском языке предлагает информацию, но туда может написать каждый, и это не всегда достоверно. Энциклопедия, конечно, должна быть более доступна.

Но весь мир зиждется не только на информации, на ее доступности. Греческий прототип слова «энциклопедия» состоит из двух частей *enkyklios paideia*. Первая часть означает окружение, охват чего-либо, вторая – *paideia*

– означает идеал классического образования – постижение математики, философии и изящных искусств. Это в энциклопедии не вычитаешь. Можно посмотреть значение π и все цифры после запятой, но чтобы понять его содержание, надо учиться математике. Можно посмотреть форму сонета – ага, 14 строк, abba bccb и так далее, и рифмы – 8+6 или немного иначе, – но способность наслаждаться сонетом и понимать его не даст ни одна энциклопедия, только образование.

И хотя людям, зависящим от новостей, к которым я частично отношу и себя, информация очень важна, я не хотел бы преувеличивать ее значение – по той причине, что информация дробит и уводит в сторону от того, что является «подлинным» и чего в виртуальном мире мало. «Подлинное», на мой взгляд, содержится в книгах, и их мы должны читать.

По мнению мне подобных, проблема потребления сетевой информации заключается не в том, что она перекошена или лжива, но в том, что меня заставляют читать нечто вовсе не важное, и это отнимает много времени. Сидишь за компьютером и начинаешь читать что-то серьезное. Но и тут, и там ссылки: одно интересно, другое... В другом месте за то же время в духовном плане можно получить намного больше. Одинаковое количество слов не дает в итоге того же эффекта, как эссе, роман, философский или научный текст.

Дробление или рассеивание внимания, неспособность отличить важное от неважного – проблема компьютерного мира. Там видишь одно и то же, одинаковые тексты, разница лишь в том, кто красивее оформит сайт.

Один из моих любимых сайтов – <http://www.bartleby.com> – где приведено большое количество текстов классической литературы, авторские права на которые устарели. Он не так красиво оформлен, но там классика! И всегда можно выбрать, читать красивую страницу или заниматься чем-то более разумным.

Так что в отношении Интернета я озабочен тем, что в нем слишком много поверхностного и несущественного, а глубокий анализ и подлинно красивое остаются «за экраном».

Высокая культура не сумела пробиться в конкуренции с сетевым миром. Она не на переднем плане, а где-то в дальнем углу, в маленькой нише, что словно бы подтверждает слова плебса, что она никому не нужна.

Заинтересованные, нашедшие библиотеку, театр или концертный зал, найдут важное (которого в Интернете в общей сложности очень много) и там. Проблема в том, что каждый следующий носитель информации оставляет прежнее и более качественное, но порождает новое, менее содержательное напластование. Это никак не помогает высокой культуре, а лишь добавляет конкурента – дополнительный слой удушающего шума.

Утонуть в информационном потоке – может быть, не совсем верное выражение, ведь если читаешь новость, которая переадресует тебя к следующей, та к новой и так далее, то в общем итоге оказывается, что потеряна уйма времени. Например, только на внешнеполитические темы ко мне приходит такое количество информации из такого множества источников, что не будь я способен хотя бы немного укротить себя, мои дни были бы заполнены только ее изучением.

Самоограничение и самодисциплина чрезвычайно важны в общении с виртуальным миром, однако очень сложно направить людей на этот путь, поскольку на вершине всей иерархии общественной жизни стоит свобода как ценность, предназначенная для использования.

В утешение могу сказать, что 25 лет назад везде в развитых обществах беспокоились о том, что люди тратят слишком много времени на телевидение. Интернет всё же лучше, поскольку он интерактивен. Ты не смотришь просто так, а активно общаешься. Уже в 1970-е годы американцы смотрели телевизор в среднем пять часов с день. Я сам никогда не был заядлым телезрителем, но вот в компьютерную эпоху ощущаю себя в какой-то мере жертвой информации.

Мы необычайно сильно связываем свою самобытность с языком. Язык является столпом и ценностью эстонской политики в области сохранения самобытности. Непрерывное добавление низших напластований в мир текста в новой медиа влечет за собой и ускоряющееся изменение языка. Точнее, языковая норма – такое же постоянно утрачивающее свою силу ограничение, как и другие нормы. Не станет ли это опасным для наших общих понятий о правильном и неправильном в языке?

Во-первых, упадок в использовании языка наблюдается в любой интернетизированной культуре. Причина этого – демократизация печатного слова, языка в визуальной форме и его употребления.

До возникновения электронных СМИ язык на уровне масс был, прежде всего, средством вербального общения. Письменное общение, до того как попасть к публике, всегда проходило фильтр грамотного и чувствительного к языку редактора. В редакцию могла попасть неграмотная работа, полная грамматических ошибок или сленга, но публиковалась она всегда в, так сказать, причесанном виде.

За исключением учителей, читавших школьные работы, никто особенно не соприкасался

с плохо или некорректно написанными текстами, а также с вульгарным письменным употреблением языка. Теперь же каждая отредактированная в языковом плане новость сопровождается множеством неотредактированных комментариев. Зрительное восприятие такого языка в письменном виде делает его приемлемым. Если ошибки содержит сама отредактированная новость, высмеянная за ошибочное употребление языка, то это полностью девальвирует критику.

Это может привести к ситуации, когда преподавание эстонского языка и литературы станет похоже на уроки закона божьего из «Весны» Лутса. Ты должен изучать в школе то, что заставляют тебя учить взрослые, но это тебе фактически не понадобится. Правописание и красивый слог пригодятся раз-другой в жизни, на письменном госэкзамене. Молодой человек знает, что там надо писать по конкретному шаблону, так, как требуют. Но в его голове постоянно свербит вопрос, почему так, если вне этого процесса разрешено абсолютно всё.

И это не уникальная проблема Эстонии. На прошлой неделе в *International Herald Tribune* была большая статья, в которой критиковалась неспособность американских политиков составлять понятные предложения. По оценке автора, корень зла таится в том, что после Джорджа Буша-старшего в США не было ни одного президента или кандидата в президенты, которого в школе заставляли бы учить латынь, знание основ которой является фундаментом ясности мыслей и выражений. Действительно, если сравнить употребление языка людьми тогда и сейчас, например, в части простых или более сложных конструкций, то сейчас последних явно меньше. Поскольку консервативные апологеты прошлого найдутся всегда, должны они найтись и для системы образования и учебных программ.

Древнегреческий язык исчез из базового образования еще раньше, чем латынь. Если в англосаксонском мире сто лет назад каждый выпускник гимназии более-менее сносно знал латынь и древнегреческий, то в 1930-е годы древнегреческий исчез, латынь преподавалась и так, и сяк, а поколение спустя исчезла и она.

Еще во время моей учебы в университете при поступлении в докторантуру действовало требование знания двух иностранных языков, один из которых можно было заменить статистикой или математикой. Если оставить в стороне весьма специфические области,

то сейчас такого требования нет. И науку не пишут более на немецком или французском языках, поскольку никто не прочтет. Даже немцы и французы пишут в основном по-английски, поэтому и языковой уровень научных статей быстро снижается. Этот же феномен мы видим в делопроизводстве Европейского Союза, где царит кошмарный английский: бюрократы говорят и пишут простыми, лишенными красоты, предложениями.

Но регрессировавшая со времен Платона Европа за две с половиной тысячи лет упадка всё же достигла выдающихся успехов. Какое следующее большое усилие придется предпринять, чтобы адаптироваться к изменившимся обстоятельствам?

Хотя регресс языка мне совсем не по душе, кажется, что некоторые проблемы, например, политические решения нашего соседа в следующем десятилетии или климат, в ближайшее время встанут гораздо острее. Если бы не было потепления климата...

...с которым из эстонского языка может исчезнуть, например, слово «снег» ...

...но зато, может быть к «острову» и «островку» добавятся новые слова для обозначения земли, со всех сторон окруженной водой. Мне просто кажется, что если из другой информации выбрать только два важных момента – внешнеполитические шаги нашего соседа и наш климат, – то я не смотрю, хорошим или плохим эстонским языком написано важное сообщение. Это не влияет на содержание. Какая разница в том, высоким штилем или базарным языком был бы составлен в 1939 году ответ на предъявленные Эстонией требования, употреблялись бы там правильные языковые формы по Аавику, стояли бы глаголы по немецкому образцу в конце предложения или нет?

В вопросе употребления языка я скорее консерватор, я одобряю создание собственных неологизмов вместо автоматического калькирования и заимствования иностранных слов.

Мы можем насмеяться над словами „hängima” и „tšillima” (жарг. «ошиваться, тусоваться, зависать»). Но эти слова – ненужные и попали в язык не по распоряжению. В то же время вспомним, что очень большая часть эстонского лексикона сотни лет назад образовалась таким же образом.

XX век для эстонского языка – абсолютное исключение, когда те, кто упорядочивал язык, были впереди народных масс. С некоторыми ограничениями во второй половине столетия, но и тогда они не утрачивали контроль, по крайней мере, над лексиконом. Теперь это в прошлом.

Фердинанд де Соссюр сказал, что «язык есть вещь, которой пользуются все индивиды». Я – сторонник предписывающего, устанавливающего нормы развития языка. Это позволит нам понять тексты, написанные хоть в XXI, хоть в XVIII веке. Нынешний читатель способен так же понять Шекспира, как и современную английскую литературу. Но читать те немногочисленные эстонские тексты, что написаны в XVI-XVII веках, очень сложно. В языке я сторонник того, чтобы и через 300 лет можно было бы без труда прочесть нынешние *Eesti Päevaleht* или *Postimees* и чтобы были понятны мемуары Ивана Орава. Куда труднее понять культурный контекст, но человек 2307 года не должен, по крайней мере, спрашивать, что означает то или иное слово в тексте Орава.

Читая англоязычный текст 300–400-летней давности, трудно понять контекст, там есть непонятные шутки, ирония. Но слова понимаешь. Боюсь, что если в нашем языке будет много „hängimist” и „tšillimist”, это снизит понимаемость текстов в будущем. Ведь эти слова также быстро и исчезают из языка.

Гораздо важнее, чем „hängimine-tšillimine”, все-таки вопрос общего образования. Ранее я говорил о *paideia*, на которой построена основная часть нашей европейской культуры. Например, в текстах Таммсааре огромное количество ссылок на Библию, на библейские сюжеты. После того как с приходом оккупации из обихода исчезли конфирмация, требование чтения Библии и изучение закона божьего, эти намеки понятны немногим. Люди не будут добровольно, для развлечения читать библейские тексты. Или Гомера. Или Вергилия.

Это общая проблема всех культур. Я читал недавно об этом в контексте Шекспира. Раньше в англо-американских школах чтение Шекспира было обязательным, теперь нет. Людям непонятны многие выражения, использованные Шекспиром. Конструкцию самого трафаретного выражения поп-культуры – *falling in love* или влюбиться – придумал Шекспир, после чего она стала применяться повсюду. Пример тривиальный, но весьма глубоко укорененный в англоязычной культуре.

Это же касается и эстонской литературы. Вся классика, вплоть до советских времен, до 1960-х годов, написанная людьми, так или иначе изучавшими на своем образовательном пути закон божий, написана на этой почве. Я не пропагандирую религиоведение, хочу лишь подчеркнуть, что чем меньше знаешь о старине, тем труднее понять прошлое, понять литературу. Сегодняшний читатель Шекспира в Англии понимает позднейшую литературу, отсылающую к Шекспиру, например, заглавие романа Фолкнера „*Sound and Fury*” («Шум и ярость») гораздо хуже, чем читатель 30 лет назад. Не зная Библию, вообще очень трудно понять глубину Фолкнера. Или возьмем «По ком звонит колокол» Хемингуэя, заглавие которого взято из медитации Джона Донна, кончающейся словами „*Ask not for whom the bell tolls, it tolls for thee*” («Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе»).

Этот печальный, связанный со смертью текст был известен образованным людям 25 или, по крайней мере, 50 лет назад. Сейчас усердно читают Хемингуэя, но о происхождении заглавия этого романа уже не знают. Это увязывается с тем, что мы говорили об Интернете. Если знаешь наизусть все песни Бритни и Пэрис, но не более, то личный культурный слой становится весьма прозрачным.

Положение сложно не только в длительной перспективе, и современные творцы текстов высокой культуры сталкиваются с утверждением – хотя иной пропагандист народности в литературе говорит, что тексты писателей не читают, поскольку они «далеки от жизни», поскольку читатель уже не понимает ни лексикона, ни конструкции предложений. Читатель, привыкший в повседневной жизни всё больше соприкасаться с иной орфографией, видеть неизвестные ранее эстонскому алфавиту буквы и знаки, теперь не распознаёт эстонский язык в тексте, написанном, так сказать, классической орфографией. Его трудно читать, поскольку непривычно. Углубление языкового расслоения опасно именно меньшинству, возделывающему высокий штиль, поскольку его как бесполезного деятеля может поразить слепой гнев языкового плебса, который лишит его источника существования.

Эта опасность известна, пожалуй, со времен Платона или Аристотеля. Простой афинянин тоже не понимал этих текстов, хотя Платон, по крайней мере, писал, пересказывая красивые сюжеты в диалогах. А вот Аристотеля большинство современников могли считать бесполезным деятелем. Граффити города Помпеи не отличаются от художеств на стенах наших туалетов. Но люди, написавшие на стенах эту похабщину на латыни, не проводили вечера с текстами Катулла или Марка Аврелия. Эти слои текстов всегда существовали отдельно, вдали друг от друга.

Язык – это средство. В какой-то грамматической форме он используется десять, двадцать тысяч лет. Письменный язык вошел в широкое употребление лишь в XIX столетии. В странах с лютеранским влиянием чуть раньше, в других – чуть позже. До этого люди прекрасно жили, не умея читать и не нуждаясь в письме. Язык никуда не исчезнет, за него нет оснований беспокоиться.

А мы говорим о том, сумеют ли люди читать и пользоваться этим весьма тонким и новым объектом – письменным языком – как языком. Мы могли прожить тысячи лет, не читая «Песнь отступающих солдат» Уку Мазинга. Углубиться в нее способны – осмелюсь утверждать – немногие люди с высшим образованием. Это не просто и не само собой разумеется. И таковым всегда останется. Если у нас всё пойдет на лад, и эстонцев будет от одного до пяти миллионов (а это – максимум через сто лет), то и тогда будет очень-очень мало людей, которые смогут читать поэзию Уку Мазинга, понимать ее и испытывать от этого радость.